

М. М. Сафонов

Екатерина II — солдат Петра III

...я была поверенной его ребячеств.

В 1859 г. А. И. Герцен опубликовал «Записки императрицы Екатерины II». Яркими красками в них был нарисован портрет мужа мемуаристки — великого князя Петра Федоровича. Полу взрослого, полуробенка, полумальчика, полумужчины. С того момента этот «виртуальный» образ начал самостоятельную жизнь, как бы вспорхнув с рукописи Екатерины. Одной из самых ярких черт этого отталкивающего образа было нелепое, ребяческое солдафонство великого князя. Игра в солдатики — ярчайшее свидетельство замедленного умственного развития наследника престола. Проще говоря — инфантилизма. Благодаря лукавому перу императрицы при упоминании имени Петра III всегда на ум приходит игра в солдатики и куклы. Даже повешенная крыса, казненная за то, что съела солдатика из крахмала, кажется, отступает на второй план. На первом же всегда — солдафонство этого полуробенка.

Описывая времяпрепровождение Петра Федоровича еще до приезда ее, Ангальт-Цербстской принцессы, в Россию, мемуаристка подчеркивает, что он ничему не хотел учиться. При этом Екатерина сообщает: «В своих внутренних покоях великий князь в ту пору только и занимался тем, что устраивал военные учения с кучкой людей, данных ему для комнатных услуг; он то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего, смотря по тому, как вздумается»¹. И это вместо того, чтобы серьезно учиться! Но речь идет не просто о лени или разгильдяйстве. Речь идет о замедленном развитии: «Это были настоящие детские игры и постоянное ребячество; вообще он был еще очень ребячлив. Хотя ему

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 207.

минуло шестнадцать лет в 1744 году»². Слова Екатерины, «философа в пятнадцать лет», звучат как приговор. В соответствии с общим замыслом «Записок», выраженном в эпитафии: счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения, причем качества и характер имеют большее значение, чем поведение³, — мемуаристка так обрисовывает «качества и характер» мужа, что у читателя рождается убеждение: иной судьбы у этого человека и быть не могло.

На протяжении всех «Записок» эта мысль разворачивается в длинную цепь эпизодов, которые не оставляют у читателей никаких сомнений в том, что могло быть только так, а не иначе. Тема «солдафонства», которому Петр предавался с младенчества, несет в себе очень важную нагрузку — она является составляющей того приговора, который выносит читатель дискредитированному Петру.

Еще до свадьбы у Екатерины открылись глаза на своего будущего мужа. Вот как она описывает занятия своего жениха. Когда шли приготовления к свадьбе, двор на время переехал в Петергоф. «Мне тут стало ясно как день, что все приближенные великого князя, а именно его воспитатели, утратили над ним всякое влияние и авторитет; свои военные игры, которые он раньше скрывал, теперь он производил чуть ли не в их присутствии... Остальное время он буквально проводил в обществе своих слуг, в ребячествах, неслыханных в его возрасте, так как он играл в куклы»⁴. В какие именно куклы, мемуаристка предсудомотрительно не указывает.

Когда Екатерина стала женой Петра, ситуация несколько не изменилась. Молодая жена была вынуждена скучать и зевать; ей было даже не с кем поговорить, ее «милый супруг» вовсе не занимался ей. «Но постоянно играл со своими слугами в солдаты, делая ими в своей комнате учения и меняя по двадцати раз на дню свой мундир»⁵. Таким образом, «солдафонство» Петра — это важнейшая составляющая описания несчастной супружеской жизни Екатерины. Это обратная сторона не только невнимания супруга, но и основная причина скуки ее жизни, ибо и другие кавалеры все заняты игрой в войну.

Прибыв в Ораниенбаум летом 1746 г., «великий князь завербовал всю свою свиту; камергерам, камер-юнкерам, чинам его двора, адъютантам, князю Репнину и даже его сыну, камер-лакеям, садовникам, всем было дано по мушкету на плечо; его императорское высочество делал им каждый день ученья, назначал караулы; коридор дома служил им кордегардией, и они проводили там день...»⁶

После описания этих «военных учений» Екатерина замечает: из-за усталости «задействованных в них мужчин балы получались слишком жидкими и плохо

² Там же. С. 207.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 255.

шли. Поэтому всем нам, — резюмировала мемуаристка, — опротивела скучная жизнь, которую мы вели в Ораниенбауме, где нас было пять или шесть женщин, которые оставались одни с глазу на глаз с утра до вечера, между тем как мужчины, со своей стороны, скрепя сердце, упражнялись в военном искусстве»⁷.

Скучно! Нет развлечений! Приходилось читать книги!

В первой редакции «Записок» тема «солдафонства» Петра тоже представлена как свидетельство детскости великого князя. Однако здесь акценты расставлены по-другому. Если во второй, заключительной редакции «пятнадцатилетнему философу» противостоял задержавшейся в развитии муж-инфантизм, то в первой — главными антиподами «Записок» являются императрица Елизавета Петровна и сама Екатерина. Капризный деспот и подвижное целомудренное почти детское создание — великая княгиня. Она по-детски непосредственна и эта «детскость» — ее важнейший козырь против обвинений в участии в политических интригах. Поэтому детскость Петра не может быть предосудительной в той степени, в какой она представлена в заключительной редакции. А главное описание военных занятий мужа сопровождается сообщениями о ее собственном участии в них.

Вскоре после приезда в Россию, будучи еще невестой, Екатерина дает своему жениху такую характеристику: «Ему было шестнадцать лет; он был довольно красив и совсем ребенок; он говорил со мной об игрушках и солдатах, которыми был занят с утра до вечера».

В этих разговорах, оказывается, и Екатерина принимала определенное участие «из вежливости и в угоду ему». «Я часто зевала, не отдавая себе в этом отчета. Но я не покидала его, и он тоже думал, что надо говорить со мною; так как он говорил о том, что любил, то он очень забавлялся, говоря со мною подолгу»⁸.

Итак, Екатерина в течение длительного времени беседовала с женихом «об игрушках и солдатах»; хотя мемуаристка осуждает темы бесед жениха, она это делает прежде всего потому, что он обсуждает с ней военные предметы вместо того чтобы говорить с ней «на языке любви». Она этого хотела, но не могла начать первой. Но он об этом даже и не помышлял. Еще не дорос. Таким образом, свидетельством его «ребячливости» было то, что он предпочитал в своих беседах «амурным предметам» военные разговоры.

Но она его слушала. Хотя и зевая. Следующий пассаж «о милитаризме» Петра появляется вслед за тем, как Екатерина описывает выработанный ею план своего поведения в России. Первым пунктом этого плана было: «Нравиться великому князю». Для достижения этой цели мемуаристка ничем не пренебрегла. Она употребляла «угодливость, покорность, уважение, желание нравиться, желание поступать как следует». Также искренняя привязанность. Однако она теряла надежду на успех в этом пункте. Одна из причин ее неудач заключалась в том, что ум Петра «был все еще очень ребяческий; он забавлялся в своей

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 44–45.

комнате тем, что обучал военному делу своих камердинеров, лакеев, карлов, кавалеров (кажется, и у меня был чин); упражнял их и муштровал. Но насколько возможно, это делалось без ведома его гувернеров...»⁹. При этом Петр «был неукротим в своих желаниях и страстях». Далее Екатерина делает важнейшее признание: «...тогда я была поверенной его ребячеств», и что не ей «было его исправлять». Поэтому она не мешала ему ни говорить, ни действовать¹⁰.

Итак, «солдафонство» Петра — одна из причин, по которой Екатерине не удалось достичь идеальной гармонии в браке. Но Екатерина стремилась этого добиться, и поэтому она не только была осведомлена о занятиях, которые он производил тайно, но не считала себя обязанной препятствовать ему. Более того, она была, пусть и не по велению сердца, его соучастницей. У нее даже был свой «чин» в этом домашнем, комнатном войске. Она тоже в это «играла», как бы невольно. Все это имело место в Москве в 1744 г.

После свадьбы, пишет Екатерина, она оказалась в очень неприятном положении. «У великого князя всё были какие-то ребячества; он вечно играл в военные действия, окруженной прислугой и любя только ее»¹¹. Сама мемуаристка очень любила бы своего мужа, если бы он этого желал. Петр на супругу почти не смотрел, а «говорил только о куклах». Поэтому великая княгиня приняла твердое решение мужа не любить, не быть с ним нежной, чтобы не стать несчастной¹².

Таким образом, «солдафонство» Петра выступает в этом тексте как ключ, открывающий причины, по которым брак великокняжеской четы оказался несчастным. Из-за этих военных увлечений мужа Екатерина решила его не любить вовсе. Это была продуманная линия поведения, которой она придерживалась и в дальнейшем.

Летом 1746 г. в Петергофе, «всё стало военным, он с кавалерами весь день проводил на карауле или в других военных упражнениях... Эта жизнь стала невыносимой». Екатерина играла с фрейлинами в волан, «а князь и княгиня Репнины зевали» в углу. Екатерина покорила своей участи. «Я была всегда предоставлена самой себе, и скука и подозрения меня окружали, никакое развлечение, никакой разговор, никакое обхождение, никакая уступчивость, ни внимание не смягчали этой тоски»¹³.

Одним словом, из-за милитаризма мужа было скучно. Однако отметим, что во второй редакции Екатерина писала: сам В. А. Репнин со своим сыном Николаем, который не принадлежал к Малому двору, упражнялся с мушкетом в руке. Теперь же ведущей является тема скуки. Поэтому Репнин только «зева-

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 75.

¹³ Там же. С. 94–95.

ет». Отметим еще одно важное обстоятельство. Петр III предается военным занятиям в то время, когда нет Елизаветы Петровны, пользуется ее отсутствием. При ней, однако, никак нельзя.

Любопытно, что Екатерина тоже «весь день с ружьем на плече». Охотится. Хотя охоту не любит!

Рассказав о том, как после назначения весной 1747 г. Н. Н. Чоглокова обергофмейстером Малого двора вместо Репнина были удалены любимые камердинеры Петра Крамер и Румберг (в действительности Румберг был удален на год раньше), мемуаристка сообщает, что она осталась единственным человеком, с которым великий князь мог говорить откровенно. Чтобы его утешить, она не лишала мужа такой возможности. Хотя ей это давалось нелегко. «Часто я очень скучала от его частых посещений, продолжавшихся по несколько часов... было тяжелым трудом следовать за ним. И, кроме того, поддерживать разговор о подробностях по военной части, очень мелочных, о которых он говорил с удовольствием и, раз начавши, с трудом переставал». Тем не менее, Екатерина его не прерывала. «...я избегала, — писала она, — насколько возможно дать ему заметить, что часто я изнемогала от скуки и усталости; я знала, что тогда для него единственным развлечением была возможность мне таким образом надоедать, причем сам он того не подозревал»¹⁴.

Очевидно, мемуаристка пытается представить себя покорной женой, стремящейся угодить во всем мужу, тем более не отворачивающейся от него в такую минуту. Однако факт остается фактом: по несколько часов она обсуждала с Петром подробности «по военной части», когда у Малого двора отобрали камер-лакеев, с которыми великий князь ранее проводил экзерциции. Летом 1747 г. камер-фрау Екатерины М. И. Крузе, годившаяся только в дуэньи, стала относиться к Малому двору более благосклонно, чем ранее. «Милости Крузе в течение этого лета простигались до того, что она доставляла великому князю столько детских игрушек, сколько ему было угодно. Он любил их до безумия, но так как он не посмел бы ими воспользоваться в своей комнате, не подвергаясь расспросам Чоглокова, который входил к нему часто и преминал бы точно справиться, как и через кого он их получил без его разрешения, и это не преминало бы наделать хлопот Крузе, то великий князь был принужден играть в свои куклы лишь в постели. Только что отужинав, он раздевался и приходил в мою комнату ложиться, — свидетельствовала жена Петра, — я вынуждена была делать то же самое, чтобы мои горничные удалялись и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядом с моей комнатой, приносила ему столько кукол и игрушек, что вся постель ими была покрыта. Я им не мешала, но иногда меня немножко бранили за то, что я не принимала достаточного участия (курсив мой. — М.С.) в этой приятной забаве, которая охотно продолжалась с девяти часов до полуночи или до часу»¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 104.

¹⁵ Там же. С. 107.

Опять тот же мотив: уступала мужу в его детских забавах и принимала в них определенное участие, хотя с его точки зрения и «не достаточное». Однако, что это были за куклы и игрушки, которыми они тайно забавлялись до полуночи, и почему эти забавы было необходимо тщательно скрывать от надзирателей, Екатерина намеренно не пишет.

Это не покажется странным при сопоставлении цитированного пассажа мемуаров Екатерины со следующим: «Из Летнего дворца мы переехали в Петергоф (речь идет о лете 1747 г., то есть несколько месяцев спустя после замены генерала Репнина на Чоглокова. — М.С.)»; «великий князь не стал больше составлять полки из своих приближенных (курсив мой — М.С.), в Петергофе он забавлялся, обучая меня военным упражнениям; благодаря его заботам, я до сих пор, — признавалась Екатерина, — умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера».

Признание в высшей степени замечательное! Особенно если учесть, что отношения супругов были таковы, что Екатерина никогда не стала бы делать того, что ей велел муж, если не считала бы это целесообразным и полезным.

Далее еще интереснее. «Он также ставил меня на караул с мушкетом на плече по целым часам у двери, которая находилась между моей и его комнатой. Иногда мне позволялось покинуть свой пост, я читала»¹⁶.

Оказывается, Екатерина заменила камердинеров и камер-лакеев Петра Федоровича в его военных упражнениях. То есть она, надо думать, добровольно и вполне сознательно участвовала в том, что потом с таким презрением осудила в последней редакции своих мемуаров как инфантилизм мужа! Любопытно признание Екатерины о том, что, несмотря на дикую скуку, ее поддерживала в этой ситуации надежда на корону.

В этой связи интересно рассуждение мемуариста о разности характеров Петра и Екатерины. «Я должна согласиться, — писала Екатерина, — что ввиду крайней разности наших характеров, мнения и советы, какие я могла ему дать, вовсе не соответствовали ни его взглядам, ни его характеру и вследствие этого почти никогда не приходились по вкусу»¹⁷.

Речь об этом Екатерина завела потому, что у Петра одного за другим отбирали преданных ему людей. Причина, по словам мемуаристки, заключалась в том, что ребячество и болтливость сильно вредили Петру. Екатерина попробовала с ним поговорить на эту тему, но была плохо принята. То есть мемуаристка хочет убедить читателя в том, что хотя она и принимала участие в военных забавах мужа, но делала это поневоле. Характеры и интересы их были совсем различны. Любопытно, что разговор об этом зашел вскоре после того, как от Петра удалили любимого дворецкого, большого приятеля Крузе, «кушанья которого

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же. С. 114.

великий князь очень любил»¹⁸. А это произошло после того, как М. С. Чоглокова чуть было не застала великокняжескую чету вместе с Крузе во время игры в постели «в игрушки»¹⁹.

О том, что это были за игрушки, можно заключить из «Записок» Я. Штелина, обучавшего великого князя истории и математике. Штелин пишет о том, что всё военное вызывало интерес у Петра: «Видимо, развод солдат доставлял ему гораздо больше удовольствий, чем все балеты», к которым его пыталась приучить Елизавета Петровна.

Кроме того, у Петра были еще и «другие развлечения и игры с оловянными солдатами, которых он расставлял и командовал ими с лакеями, с карликом Андреем, с егерем Бастианом»²⁰. Штелину не нравились военные пристрастия ученика, и чтобы он от них избавился, наставник пошел на хитрость. Он составил список занятий Петра и через полгода, надеясь усюветить ученика, прочитал ему этот список. При этом он спросил, что подумает свет о его высочестве, если прочтет этот список? Это, однако же, не устранило *игрушек*, и забавы продолжались по временам с разными изменениями. «Едва можно было спасти от них утренние и послеобеденные часы, назначенные для учения»²¹.

Пожалуй, самое важное в этом отрывке не то, что профессор элоквенции осуждает милитаристские наклонности своего ученика. Важно другое: Штелин раскрывает нам понятие «игрушки», определенно употребляя слово, бывшее в ходу в его круге. Игрушки — это оловянные солдаты, или манекены. Это ими, а среди них были и весьма тяжелые, была завалена постель Петра и Екатерины. И именно в манипуляциях этими «игрушками» мемуаристка не принимала «достаточного» участия.

Насколько же военные занятия Петра были инфантильной забавой ребенка, задержавшегося в своем развитии? Отметим, что во второй редакции, где ни слова не говорится о соучастии Екатерины, дело представлено именно так! В первой же редакции это только увлечение, которое отвлекает Петра от того, чтобы всё свое время посвятить невесте, а потом жене. В более же раннем тексте, написанном еще при жизни великого князя, в конце 1750-х гг., который условно можно назвать «Автобиографической запиской»²², о милитаризме Петра не говорится ни слова.

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Чтения общества истории и древностей российских. 1866. Кн. IV. (Далее: ЧОИДР). С. 76.

²¹ Там же. С. 70.

²² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 467–499.

«Комнатная гвардия Петра III»

В мае 1746 г. в отношениях Малого и Большого дворов имел место настоящий кризис, после которого придворные декорации переменялись. Слово «кризис» впервые употребила мать Екатерины, Ангальт-Цербстская герцогиня Иоганна Елизавета²³. В письме к вице-канцлеру М. И. Воронцову она посетовала на то, что «Гамбургская газета» опубликовала материалы, крайне неприятные для голштинского дома. Великая княгиня Екатерина впала в немилость²⁴, а в отношениях императрицы Елизаветы с великокняжеской четой произошел кризис.

Что же случилось? Именно этого Екатерина не хотела ни за что рассказать потомкам, будущим читателям своих мемуаров. Ей было что скрывать! Она пыталась представить случившееся так. Капризная и сумасбродная императрица Елизавета решила во что бы то ни стало посорить Екатерину с мужем. Для этого выдумали басню про Петра Чернышева. Накануне его удаления императрица явилась в покои великой княгини, выбрала ее «гневно и заносчиво» за то, что она любит другого. Казалось, что в исступлении она вот-вот начнет бить невестку.

Причина этого неистовства была проста. Елизавета Петровна заявила, что не принуждала Екатерину выходить замуж. Ее мать уверяла, что Екатерина любит Петра, а теперь ей стало известно, что она любит другого. Непосредственным поводом для этого взрыва гнева явилось то, что Екатерина несколько минут говорила через приоткрытую в залу дверь, где находились строительные рабочие, переделывавшие царские покои, с камер-лакеем Андреем Чернышевым, двоюродным братом Чернышева Петра. Об этом невинном разговоре донесли императрице, и она выслала троих братьев Чернышевых в армейские полки поручиками, а к невестке приставила статс-даму М. С. Чоглокову, свою племянницу, в качестве обер-гофмейстерины. Андрей же Чернышев, любимец великокняжеской четы, напаивал камер-фрау М. И. Крузе и избавлял Петра и Екатерину от этого «сварливого Аргуса». Благодаря этому они могли «скакать и прыгать сколько угодно».

Что же было на самом деле? 23 мая 1746 г. братья Чернышевы, Андрей, Алексей и Петр, были арестованы. Алексея и Петра отправили в Оренбург, а Андрей оказался в Тайной канцелярии. Вместе с ними был арестован еще целый ряд лиц из «обслуживающего персонала» Малого двора: А. Долгов, Г. Леонтьев, Г. Румберг. самого старшего из них, Румберга, отправили в Москву в контору Тайной канцелярии. Прочие же лакеи в чине поручиков были разосланы по дальним армейским полкам²⁵.

²³ Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. I. С. 423–424.

²⁴ Там же. С. 424.

²⁵ Писаренко К. А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 178.

Именно Г. Румберга имел в виду французский дипломат Дальон, когда писал о «заарестовании одного старого камердинера великого князя, к которому он питал большую доверенность. Арестовали его в час по полуночи с женою и детьми и, верно, отвели в крепость... Весьма строго запрещено всем приближающимся к великому князю говорить ему об этом арестовании. Постановлено, что лакеи великого князя будут ежедневно переменяться»²⁶.

Густава Румберга, старого шведского драгуна, служившего еще в войсках Карла XII, тоже подозревали в амурах с великой княгиней? Примечательно, что, пытаясь убедить читателя в романтической основе кризисных событий весны 1746 г., Екатерина упомянула лишь о ссылке троих Чернышевых и ничего не сказала об удалении других лакеев. Еще пришлось бы сочинить, что их тоже подозревали в любовных симпатиях к жене наследника. А это было бы слишком. Особенно в отношении старого шведского драгуна. (Впрочем, в другом месте первой редакции своих «Записок» Екатерина проговаривается. Рассказав о событиях 1748 г., она пишет об Андрее Чернышеве, что «он был арестован с пажми великого князя, о чем я говорила в начале 1747 г. (курсив мой. — М.С.)». Действительно, в первой редакции «Записок» есть упоминание об арестах пажей Петра весной 1747 г.: «Три или четыре пажа, которых великий князь очень любил, были арестованы и отправлены в крепость»²⁷. В другом месте этой редакции говорится, что в 1748 г. Андрей Чернышев описал в письме свои приключения «за два года»²⁸. Выходит, что он был арестован в 1746 г. вместе с пажами Петра, и это было прекрасно известно Екатерине.)

Примечательно, что, желая затемнить истину, Екатерина упоминает и об удалении других лакеев великого князя и о заточении в крепость Румберга, но умышленно относит этот эпизод к более позднему времени, подальше от «любовной» истории²⁹.

В мае 1746 г. обер-гофмаршал великого князя О. Брюммер был отставлен, а на его место назначили генерала В. Н. Репнина. За две недели до этого канцлер А. П. Бестужев, державший Малый двор под неусыпным контролем, составил инструкцию для Репнина. В этом документе есть один важный шестой пункт, который, к сожалению, не обратил на себя должного внимания историков.

«Для соблюдения должного себе уважения всякой пагубной фамильярности с комнатными и многими другими служителями воздерживаться имеет, и мы всем повелеваем их в пристойных пределах содержать, никому из них не позволять с докладами, до службы их не касающимися, и иными внушениями

²⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 415–416.

²⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 103.

²⁸ Там же. С. 140.

²⁹ Там же. С. 103, 104.

или наущениями к его высочеству подходить и им всякую фамильярность, податливость, притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров и прочее — накрепко и под опасением наказания запретить».

Из этих слов явствует, что комнатная прислуга, с которой Петр был на короткой ноге, использовалась им не по прямому назначению. Они имели какие-то посторонние доклады великому князю, делали ему внушения и наущения. Они приносили ему военную амуницию. Далее следует, пожалуй, самое любопытное: «...яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных продерзость возымели так называемый полк в покоях его высочества учредить и себя самих командующими офицерами над государем своим, кому они служат, сделать, особливые мундиры с офицерскими знаками носить и многие иные неучтивости делать, чем его высочество чести крайнейшее предосуждение чинится, военное искусство в шутки превращается, а его высочеству оттоль неискусных людей противные и ложные мнения об оном вселяются»³⁰.

Оказывается, в покоях великого князя было создано особое военное подразделение, которое обучило Петра военным приемам. Причем в этом подразделении великий князь не был командиром. В этом «полку» из комнатных служителей, людей в общем-то военных (все трое Чернышевых являлись сыновьями поручиков лейб-компании), были особые мундиры с офицерскими знаками, имелись ружья, палатки, барабаны и другая военная амуниция.

Разумеется, собственная военная единица наследника, которая могла бы быть успешно использована либо для охраны великого князя, либо для каких-либо наступательных действий, не могла не вызывать опасения у императрицы. Недаром же Петр много позже, весной 1762 г. заявлял польскому дипломату Брюлю: «Меня держали в рабстве, причем все-таки обнаружилась некоторая слабость; оставили в моем распоряжении пятьсот человек хорошо обученных солдат, при помощи которых я бы легко мог арестовать императрицу и завладеть престолом. Исполнение этого предположения, которое столь занимало меня, не представляло бы значительных затруднений, потому что ему благоприятствовало положение дворца Марли, в котором жила императрица близ Петергофа, однако мое добродушие остановило меня, и я не воспользовался столь выгодными условиями для моего предприятия»³¹. Хотя рассуждения наследника относятся к гораздо более позднему времени, тем не менее, опасение, что он может воспользоваться имевшейся у него под рукой военной силой, существовало всегда. Именно этим опасением объясняется рассылка комнатных служителей по гарнизонам поручиками, содержание А. Чернышева за его «продерзость» в Рыбачьей слободе, принадлежащей Елизавете Петровне, как арестанта Тайной канцелярии и отсылка Румберга

³⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII. Т. 23–24. С. 345.

³¹ Цит. по: Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // Русский вестник. 1882. № 11. С. 509.

в Москву в контору этого учреждения. И по военному стажу, и по возрасту, и по опыту он более всего подходил в командующие этой «комнатной» мини-гвардией Петра Федоровича.

Я. Штелин, описывая события, имевшие место после свадьбы Петра Федоровича, вспоминал, что императрица Елизавета приказала ему, Штелину, «чтобы он каждое утро присутствовал при вставании и одевании великого князя, чтобы удержать дерзких камердинеров от неприличных разговоров с его высочеством». Далее следует самое интересное: «Некоторые из них были вдруг отосланы. Между прочим камердинер Румберг заперт в крепость, а потом сослан в Оренбург»³².

Очевидно, одной из важнейших задач только что назначенного генерала В. А. Репнина было не допустить образования никаких новых подразделений подобного типа. Причем показательно, что был установлен новый порядок службы лакеев. Они должны были сменяться каждую неделю.

Но Репнин с этой задачей не справился. Может быть, вполне умышленно. По словам Екатерины, он постарался дать молодому двору «доказательства» своих «добрых намерений». Репнин начал вводить к нему «более изысканное и благородное общество и удалять от него окружающих его лакеев»³³.

Это надо понимать так, что место камер-лакеев в комнатной гвардии великого князя стали занимать члены его двора: камергеры и камер-юнкера.

Внимательно вчитываясь в мемуары Екатерины II, нетрудно заметить, что военные упражнения, так возмущившие и напугавшие Елизавету Петровну и А.П. Бестужева, не только не прекратились при Репнине, но еще более усилились. Генерал не только не препятствовал им, но, напротив, его собственный сын Николай, к Малому двору официально не принадлежавший, принимал в них посильное участие.

Конечно, мемуаристка пытается представить эти военные учения как нелепые, ребяческие забавы мужа. Однако если бы речь шла только о дурачествах инфантильных подростков, это бы не могло вызвать таких опасений при Большом дворе и столь сильных преследований «провинившихся».

Как помним, в этих «ребячествах» принимала участие и сама Екатерина. Она тоже прекрасно владела оружейными приемами. Хотя потом пыталась представить это как одну из нелепых забав мужа, которые ей волей-неволей приходилось разделять.

Как уже отмечалось, летом 1746 г. в Петергофе, то есть уже при Репнине, Петр Федорович опять завербовал всех своих кавалеров и лакеев и устроил под окнами караул, полутайно, полуоткрыто. «Полутайно», потому что в мае ему категорически было запрещено это делать. «Полуоткрыто», потому что Репнин, который должен был пресекать малейшие поползновения, однако вовсе

³² ЧОИДР. 1866. Кн. IV. С. 88.

³³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 83.

не возражал против этого. Во время отсутствия Елизаветы Петровны Петр выпросил себе разрешение отправиться в свой Ораниенбаум. «Как только он там очутился — всё стало военным; он с кавалерами весь день проводил на карауле или в других военных упражнениях»³⁴.

Характерно, что теперь в его «полку» обучаются не только лакеи, но и кавалеры Малого двора. Это вполне подтверждается записками Я. Штелина. Согласно ему, после того как место обер-гофмейстера занял Репнин, «все употребляется на забавы, на пригонку прусских гренадерских касок, на экзерцицию со служителями и пажами». Штелину эти забавы были не по вкусу. Он читал своему воспитаннику газеты и объяснял их. Но Петр предпочитал военное ремесло. Однако то, что представлялось Штелину, человеку штатскому, профессору элоквенции, «забавами», таковым далеко не являлось.

«Так впервые, — свидетельствовал Штелин, — высказалась в большом раз- мере страсть к военному (*militairemarrotte*) в его высочестве устройством роты из придворных кавалеров и прочих окружающих великого князя. Он сам — капитан, князь Репнин — его адъютант. Вечером и утром стрельба с вала крепости, сигналы, ежедневные учения, маршировка, маневры с огнестрельным оружием, с 4 часов после обеда до позднего вечера». Это подтверждается мемуарами Екатерины. Там упоминается о том, что и сам Репнин упражнялся вместе с Петром с мушкетом на плече. В Ораниенбауме летом 1746 г. Петр, писала Екатерина, завербовал всю свиту и муштровал ее с утра до вечера.

«Обедать и ужинать кавалеры поднимались наверх, а вечером в штиблетах приходили танцевать... такой бал был очень жидок и плохо налаживался: мужчины бывали измучены и не в духе от этих постоянных военных учений, которые приходились не слишком по вкусу придворным. После бала им разрешалось идти спать к себе... Мужчины, скрепя сердце, упражнялись в военном искусстве»³⁵.

«1746-й. Двор великого князя провел в Ораниенбауме, — писал Штелин. — Там была выстроена крепость и зала с несколькими отделениями... Комендант крепости граф Головин, камергер и гофмаршал великого князя»³⁶. Показательно, что эта крепость, выстроенная на южной стороне ораниенбаумского дворца, недалеко от ворот Парадного двора, на лугу, за Утиным прудом, была названа в честь жены великого князя «Екатеринбург». Деталь немаловажная. Лучшее опровержение того, что Екатерина писала в своих «Записках» об их супружеских отношениях. Более того, самое название заставляет задуматься о том, не имела ли и Екатерина какого-нибудь отношения к военным «забавам» мужа, впоследствии с таким презрением ею осужденным?

Весной 1747 г. Репнина, допустившего всё это, заменили Н. Н. Чоглоковым. Подлинная причина удаления генерала раскрыта Штелиным: «Возвращение

³⁴ Там же. С. 94.

³⁵ Там же. С. 255.

³⁶ ЧОИДР. 1866. Кн. IV. С. 88.

из Ораниенбаума в Летний дворец. Экзерциция с служителями и пригонка амуниции продолжают потом к величайшему неудовольствию императрицы. Ложный доклад от этого ее величеству Репнина был открыт после тончайшего исследования. Через это он лишился доверия императрицы и вскоре после этого был послан при вспомогательном войске к союзной армии в Германию... и умер на обратном пути»³⁷.

По словам Штелина, после назначения Чоглокова «всё переменилось к лучшему»³⁸, то есть никаких военных подразделений. Чоглоков справился с тем, ради чего он был назначен. Он начал с того, что три или четыре камер-пажа великого князя были арестованы, а кавалерам запретили входить в комнату великого князя. Чоглоков «принудил его, чтобы он оставался один на один с одним или двумя камердинерами, и как только замечали, что он к кому-нибудь привязывался более, чем к другим, того удаляли или отправляли в крепость»³⁹.

При переезде в Летний дворец от Малого двора отлучили камергера П. Дивьера и камер-юнкера А. Вильбоа. Их отправили в армию, то есть поступили так же, как и ранее с лакеями. Только обошлось без Тайной канцелярии. Рассказывая об этих удалениях, Екатерина поместила тут же рассуждения о разности характеров, ее собственного и Петра. Этим она хотела подчеркнуть, что никакого отношения ко всему, что происходило с Петром, она не имела. Все эти репрессии произошли по причине излишней болтливости великого князя, по легкомыслию, от неумения правильно поставить себя. Ее же он донимал разговорами о подробностях военной службы.

Екатерина обманывала читателей, когда она утверждала, что последующие в Малом дворе изменения произошли оттого, что М. С. Чоглокова, азартный карточный игрок, часто проигрывала, а потом мстила своим «обидчикам». Имея возможность влиять на императрицу, Чоглокова добивалась удаления всех, на кого имела зуб. Это касалось кавалеров Малого двора, но прежде всего самого Репнина. Его главная вина состояла в том, что он допускал веселье в великокняжеских покоях. Чоглокова и ее муж веселья не любили. Поэтому весной 1747 г. Н. Н. Чоглоков сменил Репнина на посту обер-гофмейстера.

Об удалении Репнина Екатерина в разных редакциях рассказывала по-разному. Однако ни разу она не открыла истиной причины его опалы. И это само по себе в высшей степени интересно. Это требует объяснения. И очевидно, восстанавливая то, что императрица тщательно скрывала, мы приближаемся к истине.

В «Автобиографической записке» дело представлено так. Екатерина, умная девочка, делала всё, чтобы угодить императрице («Мое подчинение всему, что она желала, доходило до крайних пределов», — писала мемуаристка⁴⁰. Или еще:

³⁷ Там же. С. 89.

³⁸ Там же.

³⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 103.

⁴⁰ Там же. С. 490.

«Мое уважение и благодарность к императрице были чрезвычайны, я смотрела на нее, как на божество, лишенное всяких недостатков»⁴¹). Однако угодить Елизавете Петровне было невозможно. Что бы Екатерина ни делала, всё оборачивалось против нее. К тому же канцлер А. П. Бестужев и его окружение настраивали императрицу против великой княгини. В начале мая 1746 г. на место воспитателя Петра Федоровича О. Брюммера назначили В. А. Репнина. Это был чистый и бескорыстный человек, он ласкал Екатерину. Открыто защищал ее, мирил ее с великим князем. Однако эти «чувства порядочного человека», обернулись против него. В первые же три недели он навлек на себя ненависть всех тех, кто был противоположных мнений. Елизавета Петровна стала относиться к нему с недоверием. Это заставило императрицу приставить для надзора над Екатериной «злую» женщину М. С. Чоглокову. Такому решению способствовало то, что Елизавета была недовольна старшей камер-фрау М. И. Крузе. Каждый вечер она напивалась и время от времени проявляла благосклонность к своей подопечной.

Императрица старалась запугать Екатерину, чтобы держать ее в постоянном страхе. Кроме того, Елизавета, Чоглокова, Крузе хотели во что бы то ни стало поссорить великую княгиню с мужем. У Петра был любимый камердинер. Крузе его очень любила за то, что каждый вечер он приносил ей вина и напивался с ней. Он выпытывал у нее, что императрица и она сама замышляют делать, а потом всё передавал Екатерине.

Поскольку это могло происходить только в покоях великого князя, Екатерина часто приходила туда, чтобы услышать, что камердинеру удалось разузнать. Крузе раза три или четыре застала их за таким разговором и приревновала Екатерину к этому лакею. Затем она выдумала «сказку». Благодаря этой выдумке Елизавета в гневе заявила, что Екатерина не любит своего мужа, и что, когда она ходит к нему, то это только ради его камердинеров.

В результате Чоглокова постаралась пресечь контакты Екатерины с кем-либо: просто запретила не только дамам и кавалерам, но и всем окружающим великую княгиню лицам разговаривать с ней, даже на куртагах. Все стали избегать общения с Екатериной. О дальнейшей судьбе камердинера (а это, несомненно, был Андрей Чернышев, но в «Автобиографической записке» он не назван, просто камердинер), ничего не сообщается. Екатерина ограничивается тем, что замечает: в дальнейшем ее еще больше бранили и хуже с ней обращались. Каждый месяц кого-нибудь прогоняли и «лишь только видели мужчину или женщину», на кого Екатерина смотрела приветливо, «как их наверняка удаляли».

В начале 1747 г., когда в Австрию отправили войска, во главе их поставили Репнина. Это был благовидный предлог, чтобы уединить друга Екатерины, слишком ей преданного, чтобы его «терпеть»⁴². Итак, Репнин был удален только потому, что был преданным другом Екатерины. В первой редакции мемуа-

⁴¹ Там же. С. 482.

⁴² Там же. С. 491.

ров рассказывается уже совсем иная история. Вначале просто сообщается, что вместо Брюммера был назначен Репнин. Он имел «много благородства в чувствах». Екатерина и Петр старались расположить его к себе. Он же со своей стороны старался дать им всякого рода «доказательства» его добрых намерений. Он начал вводить к Петру «более изысканное и благородное общество и удалять от него окружавших его лакеев»⁴³.

Согласно этой редакции, назначение Чоглоковой никак не связано с «благородным поведением» Репнина. Оно вызвано вымышленной любовью Екатерины к лакею. Но косвенно дается понять, что императрица была очень недовольна поведением Петра. Великий князь просверлил в двери, ведущей в комнаты Елизаветы, дырки и пригласил всех подсматривать вместе с ним. Петр получил за это разнос от государыни. Но ее гнев не относился к Екатерине. Императрица знала, что великая княгиня не советовала мужу так поступать. Во время одного из концертов, которые давал великий князь, Екатерина несколько минут разговаривала через полуоткрытую дверь залы, полной рабочих, с красавцем камер-лакеем Петра Федоровича Андреем Чернышевым. Чернышев был любимцем великокняжеской четы. Это была «привязанность» их обоих. Чернышев напивал Крузе, когда хотел. Этим он давал возможность Екатерине и Петру «скакать и прыгать» сколько угодно.

Невинный разговор Екатерины с Чернышевым через полуоткрытую дверь заметил камергер П. А. Девьер. В результате на следующий день Чернышев вместе с двумя двоюродными братьями отправлен служить в Оренбург в чине поручика. А к Екатерине приставили Чоглокову. Елизавета на следующий день гневно выругала Екатерину за то, что она любит другого. Но имя этого «другого» не назвала.

После объяснения супругов выяснилось, что Екатерину подозревали в любви к двоюродному брату А. Чернышева, Петру. Чем был вызван этот странный «выбор», так и осталось неизвестным. Главная же цель интриганов заключалась в том, чтобы посорить Петра и Екатерину.

Екатерине запретили напрямую общаться с императрицей и посещать ее уборную. Репнин стал ориентироваться не на Бестужева, а на Шуваловых. Начались конфликты Репнина с Чоглоковыми. В Зимнем дворце покои Чоглоковых располагались рядом с комнатами Репнина. Они стали играть в азартные игры. Чоглокова проигрывала и мстила за свои проигрыши тем, что, имея влияние на императрицу, удаляла неугодных ей людей. Зимой при перемене покоев во дворце Малый двор разместили подальше, так как царившее там веселье не нравилось, а Репнин остался на прежнем месте. Это было началом его немилости. Его главное преступление состояло в том, что он поддерживал веселье молодежи и давал ему пищу. А Чоглоковы и Бестужев не любили этого. Они сумели соответствующим образом настроить императрицу. Дамам и кавалерам запретили вход в покои Екатерины.

⁴³ Там же. С. 83.

Весной 1747 г. Репнин был удален и заменен мужем Чоглоковой. О причине, то есть о непосредственном поводе к отставке, ничего не сообщается. Однако упоминание о ней помещено в тексте «Записок» после рассказа о том, как Елизавета Петровна выбрала Екатерину за то, что она осматривала новые покои императрицы без ее предварительного разрешения. Чоглоков запретил кавалерам вход в комнаты Петра. Он был вынужден оставаться с одними камердинерами, и как только замечали, что он к кому-нибудь привязывался, сразу удаляли или отправляли в крепость. Отпустили всех голштинцев. Удалили любимого камердинера Крамера. Румберга посадили в крепость. Причиной этих удалений была «болтливость» великого князя, его «нескромность в речах».

Итак, Репнин стал жертвой «мести» Чоглоковой и пострадал за то, что давал волю «врожденной живости» Екатерины и Петра. Ранее, в «Автобиографической записке» он был жертвой своего благородного характера и благоволил к Екатерине.

Во второй редакции эта история представлена так. О. Брюммер и обер-камергер Ф. В. Берхгольц были отставлены. На их место назначили В. А. Репнина, человека порядочного, умного, благородного, «с душой честной и искренней». Его открытый и военный характер внушил доверие Петру и Екатерине. В конце мая императрица приставила к Екатерине главной надзирательницей М. С. Чоглокову. Это было сделано потому, что Екатерина, как считали, не любила великого князя. Для того чтобы усилить ее нежность к мужу. Чоглокова считалась образцом семейной добродетели, вышла замуж по любви и любила супруга до обожания.

Это понадобилось потому, что Екатерину заподозрили в любви к Андрею Чернышеву. Петр Федорович к нему чрезвычайно благоволил. То же делала и Екатерина. Окружающие заподозрили, что она влюбилась в лакея. Екатерина же этого даже и не подозревала, пока ей не посоветовали быть с ним осторожной. После того как Девьер застал ее при невинном разговоре через полуоткрытую дверь с А. Чернышевым, наутро всех троих Чернышевых отправили в Оренбург, а днем к великой княгине приставили Чоглокову⁴⁴.

В феврале 1747 г. Репнин не участвовал в поездке в Тихвин, потому что у него была «каменная болезнь». Его обязанности во время поездки исполнял муж Чоглоковой.

Весной переехали на дачу. Репнин «под предлогом слабого здоровья» получил позволение удалиться в свой дом. Его обязанности продолжал исполнять Н. Н. Чоглоков⁴⁵. Он решил уединить Петра и Екатерину, удалил кавалеров, к которым они благоволили. Это Бестужев действовал по принципу: разделяй и властвуй. Осенью запретили входить в покои Екатерины и Петра без позволения Чоглоковых, не разрешали говорить громко. То же было запрещено слугам. Весной 1748 г. после маскарадов у Петра удалили 4-х лиц, в том числе 3-х камер-пажей. Зимой Репнина, «как ни был болен», отправили командовать

⁴⁴ Там же. С. 250.

⁴⁵ Там же. С. 260.

корпусом. «Это была форменная немилость для князя Репнина, он туда отправился и уже не возвращался, потому что умер от горя в Богемии»⁴⁶.

То есть удаление Репнина объяснено его болезнью, а немилость вовсе осталась без объяснения. Охранительные меры Чоглокова вовсе не рассматриваются как реакция на деятельность Репнина.

Как видим, Екатерина изощрялась, описывая роль этого генерала и его падение. Она всячески стремилась скрыть, что Репнин лишился доверия Елизаветы именно потому, что допустил «военные игры» Петра. Разве Екатерина не знала о неверном докладе Репнина на этот счет и тончайшем расследовании, которое привело к окончательному падению обер-гофмаршала?

Если Екатерина с таким сарказмом рассказывала о военных ребячествах своего мужа, почему же она не сказала прямо, что Репнина удалили потому, что он допустил и даже поощрял все эти непотребства? А дело объясняется просто. То, что Екатерина старалась представить как нелепые ребячества, в действительности не являлось таковыми. Всё это было серьезно и потому вызывало опасение у Елизаветы. Более того, Екатерина утаивает подлинную роль Репнина по той простой причине, что занятия мужа генералом поощрялись, ей самой были на руку и именно потому, что Репнин благоволил к ней, он поощрял военные занятия мужа. Если бы читатель узнал, что Репнин подвергся немилости за то, что не пресекал военные ребячества Петра и только и всего, стало бы понятно, что это были вовсе не ребячества, за которые в опалу генералов не отправляют. Другими словами, военные экзерциции мужа Екатерина считала для себя полезными. И, по всей видимости, она не только их поощряла, но по мере возможности и сама принимала в них участие, а потом всячески отмежевывалась от этого, представляя мужа нелепым солдафоном. Это особенно ясно видно при сопоставлении первой и второй редакций сочинения Екатерины. В самом деле, чем занималась Екатерина, когда муж упражнялся в военном ремесле? Не любя охоту, она постоянно стреляет уток и упражняется в верховой езде. Ездил как мужчина, на мужском седле. Эти качества пригодились ей 28 июня 1762 г. Восемнадцать предшествовавших лет она усиленно готовила себя к этому. И в нужный час оказалась на высоте.

В этой связи совершенно иное звучание приобретают фрагменты «Записок» о том, что Екатерина знает все приемы обращения с оружием, что муж заставлял ее часами стоять в карауле. Ведь отношения супругов, как уже отмечалось, были вовсе не таковы, чтобы Петр мог заставить Екатерину что-либо делать вопреки ее желанию. Тем более стоять в карауле с тяжелым мушкетом на плече.

В этом контексте по-другому читаются и строки о том, как Петр часто говорил с женой о подробностях военного дела. А она скучала, скучала, скучала. Опять же отношения супругов были вовсе не таковы, чтобы Екатерина стала слушать то, что ей было совершенно неинтересно⁴⁷.

⁴⁶ Там же. С. 261–263.

⁴⁷ Там же. С. 104.

Ведь этот пассаж приведен в тексте сразу же после рассказа о заключении Румберга в крепость. А далее идет прелюбопытное рассуждение о том, как различны умы и интересы супругов. Кажется, они были более сходны, нежели Екатерина пыталась представить их впоследствии.

Оба они тогда понимали, что для сохранения себя в качестве наследников необходимо располагать хотя бы минимумом военной силы. Без нее не обойтись, если сама Елизавета или ее окружение захотят переменить престолонаследие в пользу другого претендента. Например, Ивана Антоновича или другого члена Брауншвейгского семейства. А такие опасения существовали. Екатерина прекрасно понимала значение военной силы, если бы свои наследственные права Петру пришлось бы защищать или отстаивать вооруженной рукой. Вот в этом она ни за что не хотела признаться, когда писала свои мемуары. Но, пожалуй, самое примечательное заключается в том, что мемуаристка «забыла» важнейшее обстоятельство. Жена Петра III, обремененная сверх меры долгами, размеры которых не могли не вызывать опасения императрицы, оказывается, принимала участие в финансировании «комнатной гвардии».

Это выяснилось при расследовании дела Густава Румберга, майора так называемого полка его высочества⁴⁸.

Abstract

M. M. Safonov. Ekaterina II — soldier of Peter III

Catherine II represented a very negative portrait of her husband Grand Duke Peter Fedorovitch in her memoirs. He was represented as a half adult, a half child, a half boy, a half man. A childish crude of the Grand Duke was one of very bright features of this repulsive image. He had an absurd passion for childish military games with tin soldiers. She meant an infantile and retarded development of the successor of the throne. The leitmotif of the crude is one of the part of a sentence that the reader passes on Peter discredited. This leitmotif represents an impotent part of an explanation of the reasons of the unhappy married life of Catherine. By this reason she could not get the ideal harmony of family live. The memoirs of Catherine II were published in 1859 by Herzen for the first time. A caricature of Peter III created by Catherine II and duplicated by Free Russian Print of London existed until today. It has in itself a justification of the palace revolution of 28 of July 1762. Really Peter Fedorovitch created an unofficial military grope of the servants of a Little court — «Regiment of His Highness». He leant with it military affairs directed by this guide more experienced officer Sweden dragoon Rumberg. This room's Guards had its own weapon, uniform, military symbols. It could be used for the defense of grand duce or

⁴⁸ Сафонов М.М. «Полк его высочества» (в печати).

for the attack in the struggle for power. The creation of this unofficial military group bore the real fears of the Empress Elisabeth. It was one of the reasons of conflicts between the Great and the Little courts. In result of it the successor of the throne and his wife were suppressed by the Empress constantly and regime of their custody became more and more oppressive. The married couple understood very well that it was necessary to have a minimum military force for keeping themselves as successors of the throne. That is why the wife of the successor took a part in military affairs of her husband by her own free will. She was a member of the room's Guards. She had a military grade, she knew very well how to use the weapons, to shoot and to ride. However when she wrote her memoirs after the murder of Peter, she did not want to confess to her cooperation with her husband in actions of room's Guards. Now she supposed that it was necessary to represent it as evidence of an infantile and retarded development of the successor and to hide by this her own political activity in the early period of her life. But perhaps the most interesting thing is that the author of the memoirs «forgot» the most important circumstances. It is clear now, that the wife of Peter III, burdened by the debts, quantity of which frightened the Empress, took a part in payment the room's Guards.

Key words: Grand Duke Peter Fedorovitch, emperor Peter III, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Empress Catherine II, memoirs of Catherine II, Regiment of His Highness, room's Guards, military games.

References

- Brikner A. G.* Zhizn' Petra III do vstuplenja na prestol // Russkij vestnik. 1882. № 11. Zapiski imperatritcy Ekateriny Vtoroj. M., 1989.
- Pisarenko K. A.* Povsednevnaja zhyzn' russkogo dvora v carstvovanie Elizavety Petrovny. M., 2003.
- Safonov M. M.* «Polk ego vysochestva» (V pečati.)
- Solov'ev S. M.* Istorya Rossii s drevnejshih vremen. M., 1963. Kn. XI. T. 23–24.